

Логинов, А. Новый год в Кабуле / А. Логинов // Белорусская военная газета. — 2011. — 4 янв. — С. 4, 5.

НОВЫЙ ГОД В КАБУЛЕ

Боевая биография председателя Витебского городского общественного объединения ветеранов войны в Афганистане «Братство» Валерия Марченко уникальна. В канун нового, 1980 года он высаживался за Гиндукушем в составе 80-й отдельной разведроты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии будучи молодым командиром разведвзвода. Второй раз прибыл наш герой в опасную служебную командировку в то же соединение уже опытным комбатом на финальном этапе войны – в 1987 году.

Сегодня кавалер двух орденов Красной Звезды подполковник запаса Валерий Марченко вспоминает, каким был тот первый для него Новый год в Афганистане.

– Наша 80-я отдельная разведывательная рота 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии убывала в Афганистан по частям. Моей разведгруппе – так в боевой обстановке называется разведывательный взвод – в ночь с 24 на 25 декабря 1979 года была поставлена задача захватить аэродром Баграм с целью обеспечения посадки передового отряда в составе парашютно-десантного батальона под командованием гвардии капитана Войцеховского. Два других разведвзвода в составе основных сил аэродромной группы, в которую, к слову, входил и штаб дивизии во главе с командиром соединения генерал-майором Рябченко, убывали на соседний аэродром Кабул.

Взлет был произведен практически одновременно. Но, видимо, в связи с непогодой аэродром Кабул основную группировку не принял, и вся эта армада, нацеленная на афганскую столицу, вернулась обратно на аэродром взлета Балхаш.

Нас же Баграм принял. Ил-76 с моей разведгруппой приземлился первым, после пятнадцатиминутной паузы один за другим сели девять самолетов передового отряда Войцеховского. Я только лет пять назад узнал, что на тот момент в Баграме уже находилась оперативная группа штаба ВДВ во главе с заместителем командующего ВДВ генерал-лейтенантом

Гуськовым, которая в ответственный момент наладила работу навигационного оборудования взлетной полосы. А за двадцать минут до нашей высадки его полностью отключили афганские военнослужащие, которые обеспечивали взлет-посадку на военном аэродроме Баграм, – видимо, комендант афганского гарнизона почувствовал неладное... Его быстро нашли, доставили к Гуськову, и тот в жесткой форме приказал включить всю необходимую «иллюминацию». Включил, конечно... Когда наш Ил-76 шел на посадку, я, находясь в кабине штурмана, совершенно отчетливо видел огни баграмского аэродрома и сам город, а справа по борту – Кабул. После обычного для горных аэродромов резкого снижения по спирали самолет вышел на прямую и сразу приземлился. Мои разведчики быстро расшвартовали БМД, вывели их на рулежку и приступили к выполнению боевой задачи. Были взяты под контроль позиции зенитной батареи, контрольно-диспетчерский пункт; я на всякий случай проехал до конца полосы, чтобы убедиться, что она не заблокирована. Хотя было очевидно: если приземлился наш самолет – значит, полоса свободна.

Аэродром начал принимать передовой отряд. После моего доклада командиру батальона гвардии капитану Войцеховскому задача для нашей разведгруппы была выполнена, и она автоматически поступала в распоряжение командира дивизии. опережая события, скажу: к сожалению, командир 2-го батальона 350-го гвардейского парашютно-десантного полка Вадим Аркадьевич Войцеховский погиб в октябре 1981 года, непосредственно перед заменой... Командование батальоном принял тогда Александр Петрович Солуянов, который в 1984 году был удостоен звания Героя Советского Союза.

Основные силы дивизии высадись в Кабуле следующей ночью. Туда выдвинулась и моя разведгруппа. Задача соединения (что тогда не озвучивалось, а теперь уже ни для кого не тайна) – обеспечить свержение режима Амина. Устранение неугодного правительства и приведение к власти другого – это в общем-то рядовая, вполне обычная задача, к примеру, для спецподразделений армии США. И Советскому Союзу для данной акции вовсе не требовалось вводить на первом этапе войны ограниченный контингент численностью в 70 тысяч. Я склоняюсь к тому, что присутствие в регионе такой крупной группировки войск преследовало более масштабные, стратегические цели: прежде всего политическое влияние на Средний и Ближний Восток, где семидесятые годы были отмечены несколькими арабо-израильскими конфликтами и исламской революцией в Иране, которая грозила распространиться на другие страны, в том числе на пограничные южные республики СССР.

Но это видится уже с высоты исторической ретроспективы, а в тот момент мы все были полностью поглощены действием, выполнением боевой задачи...

Когда все, по сути, закончилось, наступило некоторое расслабление. Тогда была первая попытка понять: где мы и что делаем? После анализа стало очевидно, что десантники 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии принимали участие в событиях мирового масштаба.

На фоне их значимости встреча нового, 1980 года, ушла для нас на второй план. Но буквально в канун этого любимого всеми праздника, числа 30-го, мы были обрадованы вестью, что после Нового года, 5 января, дивизия возвращается домой. Это выглядело вполне логичным шагом: соединение, в соответствии с десантной спецификой выполнившее задачу по захвату и удержанию важных объектов, передает их частям ограниченного контингента (тогда название «40-я армия» еще не звучало) и возвращается к месту постоянной дислокации. Царило «чемоданное» настроение, многие с подспудной надеждой обсуждали вопрос: а вдруг успеем домой до Нового года – дивизия-то сосредоточена прямо возле кабульского аэродрома?..

Что касается нашей 80-й отдельной разведывательной роты, то начиная с 27 декабря мы ежедневно тремя группами выходили в горы для выполнения разведзадач. Четко и конкретно была определена зона ответственности дивизии: север Кабула, перевал Паймунар, кишлачная зона Паймунар и далее. Тогда мы еще не знали, что этот сектор будет закреплен за нами на многие годы... Правда, позже его географически расширили, присоединив и соседние окрестности.

Помню, что та афганская зима выдалась очень холодной, мороз доходил до 25 градусов, снега было больше, чем сейчас в Беларуси. Но каждую ночь мы выходили в горы на задание, возвращались только под утро.

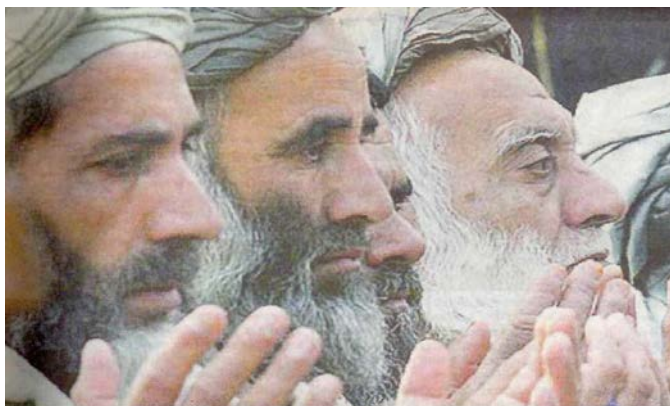
Что успели сделать до Нового года по обустройству, так это вырыть капониры, которые вначале планировались под боевые машины. Потом же их накрыли танковыми тентами и приспособили под жилье. Больших палаток поначалу у нас не было. Новый год встречали в этих ямах-землянках, отапливаемых буржуйками.

Дрова и уголь по приказу предусмотрительного заместителя командира дивизии по тылу полковника Льва Марковича Красного привезли с собой, рассовав в технике буквально во все пустоты. Он предупреждал: мы летим туда, где дров нет.

Утром все просыпались черными от сажи – только глаза и зубы сияли... Умывальников у нас тоже не было – умывались снегом.

Та новогодняя ночь была для меня особенной, даже, наверное, в чем-то символичной. С 31 декабря на 1 января мы, как обычно, вышли для выполнения боевой задачи на перевал Паймунар. Был сильный мороз и шел снег, но когда поднялись в горы, в небе образовалось «окно» – тучи рассеялись. Кабул на юге сиял, как мегаполис, его было хорошо видно с вершин. В городе то и дело слышались очереди и одиночная стрельба. А впереди, на севере, была сплошная непроглядная ночь: в кишлаках не светило ни одного огонька.

Мои бойцы постоянно следили за временем в ожидании наступления Нового года – разница с Москвой, если мне не изменяет память, в Кабуле три часа. Ровно в 24.00 по местному времени у нас в тылу, на юге, начали взлетать ракеты: было понятно, что советские войска салютуют в честь наступления 1980 года. И в тот же момент мои ребята заметили, что впереди, на севере, появились световые вспышки. Первое предположение – мятежники (понятия «душманы» тогда еще не существовало) таким образом отмечают Новый год. Но я знал, что у мусульман новогодний праздник не совпадает по времени с нашим.

Присмотревшись внимательнее, уловил некий алгоритм в этих отвесах, они шли с разных мест поочередно, то есть одна сторона работала на передачу, другая – на прием. Кроме того, источники света были закрытыми, узконаправленными. Тогда стало очевидно, что мы наблюдаем световые сигналы: противник обменивается информацией. Я разбил северное направление на сектора, и мы долго следили за световыми переговорами, ведущимися между кишлаками. Пожалуй, это был первый случай, когда наш противник чем-то себя выдал, обозначил. Сразу стало ясно: если мятежные группы обмениваются информацией, значит, им есть что передавать.

По возвращении я доложил об этом начальнику разведки дивизии. У него возникло небеспочвенное предположение о том, что у противника, вероятно, имеются и иные способы передачи информации – связные, а возможно, и радиосвязь, поэтому вместе с начальником разведки мы отправились на доклад к командиру дивизии в штаб соединения.

Запомнился еще один любопытный факт. Когда мы спустились с перевала под утро 1 января, в расположении увидели странное подобие новогодней елки: в трубу, вкопанную в землю, была вставлена ветка какого-то экзотического дерева. Спрашиваю у бойцов: «Откуда это?» Мне отвечают: «Наши летчики привезли эвкалипт из теплых краев, из Джелалабада».

Это некое подобие хвойного дерева символизировало нашу новогоднюю елочку. До того момента я очень смутно представлял себе, как выглядит эвкалипт...

И, кстати, летный экипаж из шести человек ночевал рядом с нами в спартанских условиях – в соседней аппарели (или попросту яме), накрытой тентом от БМД. Позже, когда в Кабул начали подтягивать тыловое и другие виды обеспечения, для летных экипажей установили отдельную палатку УСБ, которая находилась рядом с нашей командирской. После жизни в землянках те палатки казались вполне комфортными, уютными, хотя в них не было даже деревянных настилов – просто расчищался снег и прямо на землю устанавливались железные солдатские кровати. Вместе с палатками нам завезли так называемые «Поларисы» – печи, работавшие на солярке. Свое название они, видимо, получили потому, что при работе гудели, как двигатели ракет. Тем не менее отапливали они полевое жилье вполне сносно.

Надо отдать должное летчикам-транспортникам: у них всегда была в запасе канистра спирта, за которую лично отвечал бортиженер. Так что благодаря им в новогодний праздник мы не остались без фронтных ста грамм... Было скромное по меркам мирного времени застолье, были задравные тосты, поздравления. И была надежда, что если уж этот Новый год мы вынуждены встречать вдали от Родины, то старый Новый год – через две недели – обязательно отметим вместе с семьями дома. Все были совершенно уверены: боевая задача выполнена достойно, и 5 января 1980 года 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия завершит свою миссию в Афганистане.

Никто в тот первый день нового, 1980 года не предполагал, что белорусским десантникам предстоит провести в Афганистане еще целых девять лет...

А. Логинов

Фото из архива В. Марченко